

*Губецков Вячеслав Николаевич,
студент магистратуры ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный
университет» Россия, г. Тольятти*

*Научный руководитель: Дуюнов Владимир Кузьмич,
докт. юрид. наук., профессор*

**КОСВЕННЫЙ УМЫСЕЛ И ПРЕСТУПНОЕ ЛЕГКОМЫСЛИЕ:
ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ФОРМУЛЫ И
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ**

***Аннотация:** статья посвящена проблеме разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия. Автор показывает, что сходство данных видов вины проявляется в интеллектуальном элементе, поскольку в обоих случаях лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. Решающее значение имеет волевой момент: сознательное допущение последствия либо самонадеянный расчет на его предотвращение. Обосновывается необходимость уточнения ч. 3 ст. 25 УК РФ.*

***Ключевые слова:** косвенный умысел, преступное легкомыслие, вина, субъективная сторона преступления, субъективное вменение, квалификация преступлений.*

***Annotation:** the article deals with the problem of distinguishing indirect intent and criminal recklessness. The author shows that these types of guilt are similar in their intellectual element, since in both cases a person foresees the possibility of socially dangerous consequences. The decisive criterion is the volitional element: conscious admission of consequences or a reckless expectation of their prevention. The need to clarify Part 3 of Article 25 of the Criminal Code of the Russian Federation is substantiated.*

Key words: indirect intent, criminal recklessness, guilt, subjective side of crime, subjective imputation, qualification of crimes.

Вопрос о внутреннем отношении лица к совершаемому деянию занимает особое место в учении о составе преступления. Именно через анализ субъективной стороны уголовное право отделяет виновное причинение вреда от случайного результата, а умышленное поведение – от неосторожного.

Как верно отмечается в литературе, «преступление как разновидность человеческого поведения представляет собой определенную систему, в которой элементы внешние и внутренние, объективные и субъективные выступают в единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности» [1, с. 161].

При этом, именно субъективные элементы преступления относятся к числу наиболее сложных категорий российского уголовного права, что обуславливает целый комплекс проблем теоретического и практического плана. Одной из таких проблем является разграничение косвенного умысла и преступного легкомыслия.

Такое разграничение относится к числу вопросов, где теоретическая тонкость немедленно превращается в практическую цену квалификации. Ошибка здесь меняет саму природу содеянного: умышленное преступление может быть сведено к неосторожному, а неосторожное – необоснованно отнесено к умышленному. Поэтому проблема имеет не только доктринальное, но и прикладное значение.

Согласно ст. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий или бездействия, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Преступное легкомыслие, в свою очередь, имеет место тогда,

когда лицо предвидело возможность наступления последствий, но без достаточных оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение.

Из сопоставления данных формул видно, что разграничение не может строиться только на предвидении. В обоих случаях субъект видит возможность вреда. Главный вопрос иной: как он относится к этой возможности?

При косвенном умысле лицо фактически принимает риск наступления последствия. При легкомыслии оно рассчитывает этот риск преодолеть. Именно волевой момент является тем лезвием, которое отделяет умышленную форму вины от неосторожной.

Слабое место действующей редакции ч. 3 ст. 25 УК РФ состоит в формуле «не желало, но сознательно допускало». Она верна для разграничения прямого и косвенного умысла, однако недостаточно удобна при сопоставлении косвенного умысла с преступным легкомыслием. Ведь при легкомыслии лицо также не желает наступления последствий. Следовательно, отсутствие желания само по себе ничего не решает. Юридически важно другое: было ли у лица внутреннее принятие возможного вреда либо существовал расчет на его предотвращение.

В научной литературе справедливо отмечается, что при определении субъективной стороны на практике нередко возникают ошибки, связанные с неправильным определением формы вины, видов умысла или неосторожности либо их неуказанием [3, с. 37].

В подобных случаях правоприменитель нередко ограничивается общей фразой о том, что лицо «предвидело возможность наступления последствий», но не раскрывает, допускало ли оно эти последствия или рассчитывало их предотвратить. Между тем без ответа на этот вопрос вывод о форме вины остается декларативным.

Особенно опасно выводить косвенный умысел только из тяжести наступившего результата. Сам по себе результат не доказывает внутреннего

отношения к нему. Смерть, тяжкий вред здоровью или крупный ущерб могут быть причинены как умышленно, так и по неосторожности. Поэтому субъективная сторона должна устанавливаться через совокупность обстоятельств: способ деяния, характер и интенсивность действий, свойства использованных средств, обстановку, поведение лица до и после содеянного, его высказывания, попытки предотвратить вред или оказать помощь.

При этом самонадеянный расчет, характерный для преступного легкомыслия, не должен пониматься как абстрактная надежда на благоприятный исход. Простое внутреннее ожидание того, что «ничего не случится», еще не образует легкомыслия в уголовно-правовом смысле. Такой расчет должен иметь хотя бы минимальную объективную опору: профессиональный опыт лица, свойства используемых предметов, контролируемость ситуации, наличие технических или организационных средств предотвращения вреда, поведение иных участников события.

Если же лицо осознает реальную возможность наступления общественно опасных последствий, но продолжает действовать без каких-либо разумных оснований рассчитывать на их предотвращение, то речь должна идти не о легкомыслии, а о сознательном допущении вреда. Именно здесь проходит граница между рискованной самонадеянностью и внутренним согласием с возможным результатом.

Для разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия целесообразно использовать несколько последовательных критериев. Во-первых, какие именно последствия лицо предвидело как возможные. Во-вторых, имело ли оно конкретные основания рассчитывать на их предотвращение. В-третьих, подтверждался ли такой расчет объективной ситуацией и поведением самого лица. Если субъект продолжает действовать при отсутствии какого-либо механизма предотвращения вреда, его позиция ближе не к самонадеянности, а к фактическому примирению с последствием.

Представляется, что ч. 3 ст. 25 УК РФ следует не ломать, а точнее настроить. Возможная редакция могла бы быть сформулирована так: «Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и, не стремясь к их наступлению как к цели своих действий, сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично». Такая формула точнее показывает, что косвенный умысел не является «почти неосторожностью», а остается разновидностью умышленной формы вины.

Соответственно, совершенствование должно затронуть и правоприменение. В процессуальных решениях необходимо раскрывать не только факт предвидения, но и содержание волевого отношения: что именно лицо допускало, на что рассчитывало, почему этот расчет был или не был подтвержден обстоятельствами дела.

В современной уголовно-правовой науке различие между прямым и косвенным умыслом проводится прежде всего по волевому моменту. Тот же подход должен использоваться и при разграничении косвенного умысла с легкомыслием.

Таким образом, косвенный умысел и преступное легкомыслие разделяет тонкая, но принципиальная граница. Для уголовного права эта разница имеет нравственно-правовое значение: она позволяет сохранить принцип субъективного вменения и оценивать не только причиненный результат, но и внутреннюю связь этого результата с сознанием и волей виновного.

Использованные источники:

1. Тарханов И.А., Гайфутдинов Р.Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Т. 162, кн. 2. С. 161-176.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Макаров Р.В., Габдрахманов Ф.В. Квалификационные ошибки при определении субъективной стороны преступления и их классификация // Евразийская адвокатура. 2015. № 2 (33). С. 37-42.